



В.К.Косс

**В ТВОЕЙ  
ВЕРСИИ  
Я СЧАСТЛИВА**

# **В.К. Косс**

## **В твоей версии я счастлива**

*<https://litres.ru/74670897>*

*SelfPub; 2026*

### **Аннотация**

На семейной съемке муж сказал, что у нас все получилось. Главное — ничего не менять. Я сидела рядом и думала о мастерской, с которой он снова советовал подождать.

Егор любит меня. Он умеет заботиться, помнит мои привычки, накрывает ладонью мою руку. Мы семнадцать лет женаты, растим дочь и все еще хотим друг друга. Но в его рассказе о нашей жизни я почему-то не узнаю себя.

Мне тридцать восемь. Я чиню чужую мебель на нашей кухне и хочу наконец работать за своим столом. Ради этого я решаюсь на поступок, о котором боюсь рассказать мужу.

Он спрашивает, люблю ли я его. Я отвечаю честно. Только теперь мое «да» не означает, что я согласна жить по-прежнему.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Поверните чашку          | 4  |
| Глава 2. Сорок два метра          | 10 |
| Глава 3. На кухню                 | 16 |
| Глава 4. Неподходящая ткань       | 21 |
| Глава 5. Воскресный пирог         | 26 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 31 |

**В.К. Косс**

# **В твоей версии я счастлива**

## **Глава 1. Поверните чашку**

Егор убрал мою рабочую куртку за штору за секунду до того, как фотограф нажала на кнопку.

— Теперь хорошо, — сказала девушка с камерой. — Марина, чашку чуть разверните. Чтобы ручка не закрывала пальцы.

У меня в тапочке застряла скоба. Я наступала на внешний край стопы и старалась не качаться. Из комнаты Саши доносился щелчок: дочь в шестой раз проверяла, закрывается ли дверь. Ей обещали, что снимать будут только гостиную.

— Мы здесь все продумали для жизни, — говорил Егор второй девушке, которая записывала его на телефон. — Без выставочных решений. Чтобы каждый чувствовал себя дома.

Фотограф присела, поймала в кадр наше окно и кресло рядом с ним. Под покрывалом у кресла провалилось сиденье. Я хотела заменить ремни еще весной, но каждый раз появлялась работа, за которую платили. Покрывало скрывало яму; на фотографии кресло выглядело уютным.

— А кто принимал основные решения?

— Марина, конечно. У нас же она художник.

Егор обнял меня за плечи. От его запястья пахло кожаным ремешком часов и чуть-чуть металлом — так бывало после работы на объекте. Я подалась к нему раньше, чем подумала, что не хочу стоять перед чужой камерой. Он поцеловал меня в висок. Фотограф быстро щелкнула несколько раз.

Съемку предложил магазин, в котором мы заказали полки. Они делали для своего сайта истории покупателей. Егору понравилась идея: нашу квартиру покажут как пример разумного ремонта. Еще тогда он принес пробник цвета и два вечера передвигал стол, примеряя полки к разным стенам. Теперь ему хотелось показать, что получилось. Я не стала возражать: редко видела, чтобы он так увлекался чем-то вне работы.

— Вы вместе давно?

— Семнадцать лет в браке, — ответил он. — И еще два до свадьбы.

— Как сохраняете близость?

Скоба вошла в пятку. Я поставила чашку на полку.

— Сейчас вернусь.

В ванной я села на край ванны и сняла тапочек. Скоба была маленькая, с одним загнутым усиком. Утром я на кухне вынимала их из старого стула, пока варилась каша. Подцепила ногтем металл и уронила в мусорное ведро.

В зеркале над раковиной отражалась половина моего лица. Тушь я купила вчера специально для съемки, а теперь под левым глазом была темная точка. Я стерла ее мокрым

пальцем и почему-то не смогла сразу выйти.

— Марин? — позвал Егор.

— Минуту.

Он говорил дальше:

— Вечером стараемся быть вместе. Даже если я поздно, Марина меня ждет, чаю попьем. Без этого никак.

Я открыла воду, хотя руки уже были чистые.

На телефон пришло сообщение от Галины Аркадьевны: «Завтра до двенадцати. Потом показываю следующим».

Я прочитала, убрала телефон в карман платья и вернулась.

Саша сидела на подлокотнике дивана, подобрав ноги. В четырнадцать лет она была похожа на Егора движением бровей и на меня — тем, как пыталась спрятать недовольство, когда собирались фотографироваться.

— Я не буду с кружкой, — сказала она.

— И не нужно, — ответила фотограф. — Просто посиди с родителями.

— А можно я пойду?

— Саш, две минуты, — попросил Егор.

Она посмотрела на часы у него на руке.

Я села рядом с дочерью. Егор устроился с другой стороны и положил ладонь мне на колено. У него была теплая тяжелая рука; от этого прикосновения я всегда немного успокаивалась. Даже сейчас.

— Последний вопрос, — сказала девушка с телефоном.

— О чем мечтаете? Что хотели бы изменить?

Я набрала воздух.

— А ничего, — ответил Егор. — Честно. Я смотрю на них и думаю: у меня все получилось. Главное — сохранить.

Он улыбнулся нам, почти смущенно. В эту минуту я особенно ясно увидела, что он не играл. Он притянул Сашу к себе, но та выскользнула из-под его руки. Егор ничего не сказал, продолжал улыбаться.

— Марина?

— Мне нужно свое помещение, — сказала я.

Девушка оторвалась от телефона.

— Для работы, — уточнила я. — Не дома. С большим столом и вытяжкой. И чтобы можно было оставить разобранное кресло до утра.

Саша перестала крутить кольцо на пальце.

— Да, у нас мама мебель спасает, — сказал Егор. — Мы думаем, как расшириться. Но пока все устраивает, правда, Марин? Здесь рядом и школа, и дом. Удобно.

Фотограф опустила камеру. Я заметила, как девушка с телефоном коснулась экрана. Может быть, остановила запись. Может быть, просто посмотрела, сколько осталось памяти.

— Про «сохранить» оставьте, — попросил Егор. — Мне кажется, хорошо получилось.

Я ничего не сказала. Мне хотелось разжать его пальцы на моем колене, но я понимала, как это будет выглядеть перед чужими людьми, и не двигалась.

После их ухода в квартире остался сладкий запах духов и

несколько следов на полу. Саша сразу унесла в комнату свою чашку. Егор вытащил из-за шторы мою куртку и повесил в прихожей.

— Ну что, звезда дизайна, закажем пиццу?

— Ты зачем за меня ответил?

Он обернулся, все еще держа за петлю куртку.

— Когда?

— Когда меня спросили, чего я хочу.

— Я же не запретил тебе помещение. Просто зачем обсуждать при посторонних? Мы пока сами толком не решили.

Мы. Я смотрела, как он поправляет на вешалке мой рукав. В конце августа я показала ему объявление. Потом смету. Потом сказала, что помещение еще свободно. Каждый раз он внимательно слушал и объяснял, почему сейчас неудобно. В первый раз был отпуск, во второй — взнос по кредиту за машину, в третий он очень устал и просил поговорить на выходных.

— Я решила, — сказала я.

Он наконец отпустил куртку.

— Что именно?

Из комнаты Саши раздался звук упавшего предмета. Я отвлеклась, а Егор уже открыл на телефоне доставку еды.

— Давай поедим, потом спокойно. С утра ничего нормального. Тебе с грибами?

Я знала: если сейчас ответить «да», разговор закончится. Пока привезут еду, пока уберем, пока Саша спросит про зав-

трашнее расписание. Потом он обнимет меня перед сном, я прижмусь к нему, и согласие на пиццу незаметно станет согласием на все остальное.

— Я поем позже. Мне нужно выйти.

— Куда?

— В хозяйственный. За рулеткой.

Он потянулся к ящику комода.

— У нас есть.

Я увидела знакомый желтый корпус в его ладони. Наша рулетка. Купили, когда ждали Сашу и мерили, пройдет ли кровать между шкафом и стеной.

— Дай, пожалуйста.

Егор протянул ее и хотел что-то сказать, но я уже взяла ключи.

## Глава 2. Сорок два метра

В бывшей прачечной пахло мокрым бетоном, хотя стирать здесь перестали несколько лет назад. Под потолком осталась труба толщиной с мою ногу. На стене желтел прямоугольник от снятой таблички, а возле окна лежал пластиковый бегемот без одной ноги.

— Козырек течет, — сразу сказала Галина Аркадьевна. — Я вызвала человека, обещал до конца месяца. В договоре укажем. Если не сделаю, за эти дни аренду пересчитаем.

Я была готова к тому, что придется выпрашивать починку, и от прямого предложения растерялась.

— Хорошо.

— Электричество отдельно. Обогреватель мощный не включайте, пока проводку не посмотрят. Соседи сверху нормальные, но после восьми шуметь не надо.

Она говорила так, будто я уже согласилась. Я достала рулетку и пошла к дальней стене.

Сорок два квадратных метра на бумаге оказались комнатой, в которой мои шаги звучали непривычно громко. Кресло можно было поставить посреди комнаты и обойти со всех сторон. Не просить Сашу встать, потому что нужно вытащить степлер. Не сдвигать ужин, чтобы раскроить чехол. Я присела возле розетки и потрогала стену: холодная, без влажного пятна.

— Муж ваш занимается помещениями? — спросила Галина Аркадьевна.

— Вентиляцией. А что?

— Вы в прошлый раз говорили. Тут бы решетку проверить. И я покажу, где вывод.

Я вспомнила, как легко в первый визит сказала: муж посмотрит. Даже в незнакомой комнате заранее нашла ему работу.

— Я приглашу специалиста, — ответила я.

Она кивнула и отвернулась к окну.

Я обвела в блокноте расстояние от стены до двери. Здесь мог стоять рабочий стол. Вдоль другой стены — кресла, ожидающие ремонта. На окне — чашка. Чашку я почему-то видела отчетливее всего: обычную, белую, без надписи «Лучшей маме».

— Марина, — сказала Галина Аркадьевна, — мне надо понимать. Вы берете?

Я раскрыла сумку. Конверт лежал между блокнотом и пакетом с бахилами. Шестьдесят пять тысяч. Я сняла их накануне со счета, на котором мы откладывали на новую кухню. Двадцать тысяч моих, за два последних кресла, уже ушли на инструменты и доставку стола.

Егор хотел кухню со встроенным холодильником. Я хотела и кухню тоже. Хотела, чтобы ящик с ложками перестал выскакивать, если потянуть слишком резко. В какой-то момент я решила, что никто не пострадает, если вместо нового

ящика у меня появится место для работы. Мы все равно еще не заказали мебель.

Теперь, держа конверт, я понимала, как неприятно будет услышать это со стороны: я решила.

— Дайте прочитать еще раз.

Галина Аркадьевна сняла очки, протерла их краем кофты и села на подоконник. Она не торопилась. От этого было труднее.

В договоре я проверила сумму, сроки, условия выхода. Раньше такие бумаги приносила Егору. Он читал, задавал вопросы и возвращал со словами: «Можно». За эти годы я почти забыла, что подпись все равно ставила моя рука.

Я попросила вписать срок ремонта козырька. Мы исправили дату, обе расписались рядом. Потом я отсчитала день-ги. Галина Аркадьевна выдала мне расписку и два ключа на кольцо с красной пластмассовой каплей.

— Бегемота заберете? — спросила она. — Внучка оставила. Выбросить жалко, а кому такой нужен.

— Пусть пока поживет.

Когда она ушла, я заперла дверь изнутри. Ничего не произошло. Труба не исчезла, стена осталась холодной, под ногами хрустел мелкий мусор. Я села на пол и отправила Жене фотографию.

Она позвонила сразу.

— Вижу. Пол адский. Ты в уме?

— Вроде.

— Стол привезут когда?

— В субботу.

— Я до двух могу помочь. Потом у Стаса мать приезжает, мы поедem встречать. И сразу: бесплатно я тебе три вечера в неделю шить не буду.

— Я и не прошу.

— Сейчас не просишь. Потом будет «Жень, ты же понимаешь». Давай без этого. Есть работа — считаем цену.

Я подняла пластикового бегемота, покрутила в руках.

— Договорились.

— И не обижайся. Я тебя люблю, но мне нужны деньги.

По телефону Женя обычно говорила между делом: что-нибудь резала, размешивала чай, велела Стасу убрать пакет с ткани. Сейчас в трубке зашипел утюг.

— Егор что сказал?

Я долго оттирала грязь с подошвы бегемота.

— Еще не сказала.

— Про деньги тоже?

— Нет.

Утюг перестал шипеть.

— Марин.

— Я знаю.

— Ты уверена?

Я посмотрела на дверь. Ключ с красной каплей торчал в замке. Хотелось сказать: мне надо было хоть раз сделать так, чтобы не отступить. Но это звучало слишком красиво для

денег, которые мы откладывали вдвоем.

— Уже подписала.

Женя выдохнула. Не стала ни поздравлять, ни ругать. Спросила, есть ли в комнате кран. Я пошла за перегородку, повернула ручку. В раковину плюнуло ржавой водой, потом потекла прозрачная.

— Есть, — сказала я, удивляясь, как радостно это прозвучало.

Дома Егор спал на диване. Телевизор показывал без звука человека, который ловил рыбу в очень холодном месте. На кухне стояла коробка с остатками пиццы. Возле моей тарелки лежала бумажная салфетка, аккуратно сложенная треугольником.

Я накрыла Егора пледом. Он проснулся, поймал меня за запястье и прижал мою ладонь к щеке.

— Купила?

— Что?

— Рулетку. А. Взяла же у меня.

Он улыбнулся сонно и притянул меня. Я наклонилась, он коснулся губами шеи под ухом. У меня потеплело под воротником; я сама подставила ему шею. Я стояла над ним в пальто, с договором в сумке. Можно было лечь рядом, сунуть холодные ноги ему под одеяло. Сказать про деньги утром. Я даже успела придумать: сейчас он слишком сонный, все равно не услышит.

— Иди сюда, — сказал он.

Я погладила его висок.

— Мне сначала нужно кое-что сказать.

Егор открыл глаза. На этот раз он не потянулся за телефоном и не предложил поесть.

## Глава 3. На кухню

Егор сел, провел ладонями по лицу. На щеке остался след от шва диванной подушки.

— Я сняла помещение, — сказала я. — То, которое показывала. На улице за рынком.

Он несколько секунд молчал.

— Сегодня?

— Да.

— На сколько?

— Сначала на три месяца. Потом можно продлить.

— Сколько в месяц?

Я назвала сумму, объяснила про залог и козырек. Егор слушал, наклонив голову. Так он слушал мастеров, которые сообщали, что ремонт обойдется дороже первоначальной сметы.

— Покажи договор.

Я села рядом и достала бумаги. Он читал быстро, возвращаясь к отдельным строчкам. У меня затекла нога, но я не шевелилась.

— Здесь электричество по счетчику. Доставка? Материалы? Ты все посчитала?

— Приблизительно.

— Приблизительно.

Он повторил это без насмешки, и все равно я почувство-

вала себя девочкой, принесшей плохо решенную задачу.

— За первые месяцы хватит. Потом пойдут заказы.

— Какие?

Я рассказала про два дивана, стулья для кафе, кресло Светланы с четвертого этажа. Он спросил, есть ли предоплата. Я сказала, что пока только за один диван.

— То есть мы три месяца оплачиваем тебе возможность попробовать?

— Если так сформулировать, то да.

— А как сформулировать? Ты уже внесла деньги?

Я сняла пальто. Стало жарко.

— Шестьдесят пять. Из кухонного фонда.

Егор положил договор на стол. Осторожно, совместив края листов.

— Ты сняла их со счета и не сказала мне.

— Я собиралась вернуть. С заказов.

— Когда?

— Не знаю точно.

Он встал. В прихожей загорелся свет: Саша вышла за водой. Она посмотрела на нас, налила полную кружку и ушла, не спросив, почему у меня пальто на коленях.

— Я бы не полез в эти деньги без тебя, — сказал Егор тише.

— Ты и так решаешь, на что они пойдут.

— Мы выбирали кухню вдвоем. Ты сама скинула мне фасады. В воскресенье.

Я помнила фасады. Помнила, как выбирала между серым и темно-зеленым, как представила пустую столешницу и свет под шкафами. Он был прав. Нельзя было теперь рассказывать, что кухня понадобилась только ему.

— Да. Я не должна была брать их тайком.

— Но взяла.

— Взяла.

Он дошел до окна и отодвинул занавеску. В стекле я видела его профиль, напряженную шею, подстриженные неделю назад волосы. Обычно я замечала эти мелочи с удовольствием. Сейчас они мешали злиться без остатка.

— Ты могла сказать.

— Я говорила про помещение.

— Про общие деньги ты не говорила.

— Потому что знала, как все закончится. Ты считаешь, что слишком дорого, слишком рано, что Саша еще маленькая, что я могу работать дома. А я соглашусь, потому что каждый довод отдельно разумный. И пройдет еще год.

Он повернулся.

— Значит, теперь проще обмануть?

Я заплакала, хотя хотела обойтись без этого. Не навзрыд, только глаза перестали слушаться. Я вытерла их ладонью.

— Я не хочу, чтобы ты меня отговаривал.

— А я не хочу узнавать последним, что ты уже решила.

Мы замолчали. Я уже открыла рот, чтобы напомнить ему о покупке машины. Закрыла: машину мы обсуждали, а это

он увидел впервые. Убрала пальто на спинку стула.

— Деньги верну в общий фонд. Не обещаю за месяц. Составлю расчет по тем заказам, которые подтвердятся, и покажу тебе. Мастерскую оставляю.

Егор покачал головой.

— Ты так говоришь, будто я пришел у тебя отбирать ключи.

Я достала кольцо с красной каплей и положила возле договора. Маленький стук показался слишком громким.

— А разве ты не хочешь, чтобы я отказалась?

Он не ответил сразу.

— Я хочу понимать, что с нами происходит.

Я тоже хотела. У нас была нормальная квартира, дочь, которую мы любили, машина в кредит и Сашино расписание на дверце холодильника. Егор помнил, что я не ем изюм, мог среди ночи съездить за лекарством и никогда не говорил, что я мало зарабатываю. Когда мы ссорились, я перечисляла это про себя, как будто вносила взносы по долгу, который не удавалось погасить.

— Ты вчера сказал им, что мы ничего не хотим менять,  
— произнесла я. — Я сидела рядом. Ты даже не посмотрел на меня.

— Я говорил о семье. О том, что мне хорошо с вами.

— И за меня тоже говорил.

— Марина, это был вопрос для статьи. Я не мог знать, что мы обсуждаем нашу жизнь всерьез.

— Вот. В твоей версии я счастлива. Зачем еще меня спрашивать?

Егор смотрел на меня. Я ждала возражений, но он только опустил на стул напротив.

— Ты несчастлива?

Мне хотелось сказать «нет», и не только из жалости. Я не считала эти годы напрасными. Я любила ездить с ним за город, знала, как он смеется, когда не может закончить историю, хотела его рук на своем теле. Мне было страшно, что, если я сейчас признаюсь в недовольстве, он отнимет у меня и все хорошее: скажет, что я врала и тогда.

— Я не знаю, как ответить одним словом.

Он уставился на ключи.

Мы не помирились. Егор ушел в душ, я вымыла чашку и написала девушке из магазина: «Пожалуйста, не публикуйте мои ответы без согласования. Мне нужно увидеть текст». Потом долго смотрела на отправленное сообщение.

В постели Егор лежал на спине. Я легла рядом, оставив между нами небольшое расстояние. Он не спал.

— Ты меня еще любишь? — спросил он.

— Да.

Он повернул голову.

— И я тебя. Я просто очень злюсь.

Я положила ладонь между нами, на простыню. Егор ее не взял. Так я и заснула.

## Глава 4. Неподходящая ткань

Первый стол привезли с опозданием на три часа. Грузчик поставил его на улице и сказал, что занос не оплачен.

— Здесь две ступеньки, — сказала я.

— Ага. А потом колено у меня одно.

Женя уже ушла к двум, как обещала. Мы успели вымыть пол и приклеить на стену лист с размерами, после чего она села на корточки возле розетки и съела бутерброд, который принесла мне. Я тогда еще думала, что сейчас приедет стол и мы успеем расставить вещи.

Грузчик позвонил кому-то, поговорил о ребенке, который не хотел есть суп. Я пересчитала деньги в кошельке и заплатила за занос. Он поднял край столешницы, я взялась с другой стороны. Оказалось тяжело, но не так, чтобы не справиться. Уже в комнате он помог подложить картон под ножку, принял воду из моей бутылки и сказал:

— Тут холодно будет. Ковер бы какой.

Потом уехал. Я закрыла дверь и села за стол. Локти поместились целиком.

Кресло Светланы доставили на следующий день. Она хотела «как на фотографии», только дешевле, потому что ткань уже купила сама. Я еще дома объяснила, что тонкая портьерная ткань не выдержит ежедневной нагрузки на сиденье. Светлана прислала смайлик с поднятым пальцем, а потом все

равно привезла рулон, обернутый магазинным пакетом.

— Вы же придумаете, — сказала она. — У вас золотые руки.

Она произнесла это с такой уверенностью, что я почти согласилась. Потом посмотрела на стол, за который отдала деньги, и попросила ее присесть.

Светлана села на подоконник, потому что стульев пока не было.

— Вот смотрите.

Я натянула ткань на угол сиденья, провела по краю ладонью. При боковом свете показались белесые полосы, нитки разошлись возле места натяжения.

— Сюда не подойдет. На спинку, возможно, если укрепить. Но на сиденье нужна другая.

— Мне теперь ее выбрасывать?

— На подушки пойдет. Или на занавеску, смотря какое у вас окно. Но обтянуть ею кресло целиком я не возьмусь.

Светлана взяла образец двумя пальцами.

— Вы в прошлый раз не так категорично говорили.

Это было правдой. Я старалась ей не испортить настроение и сказала что-то вроде «посмотрим на месте». Теперь платила за эту мягкость.

— Надо было сказать яснее. Простите. Я могу сделать, но быстро разойдется, и ремонтировать придется снова. Не хочу брать за это деньги.

Она оставила кресло на неделю, обещала подумать. Пред-

оплату вносить не стала.

Я заперла дверь и пошла за самым дешевым супом в соседнюю кулинарию. Там пахло жареной рыбой, женщина за прилавком говорила с кем-то по видеосвязи, повернув телефон экраном к хлебнице. Я села у окна. В сумке лежала смета: аренда, материалы, доставка. Светланины деньги я уже мысленно потратила дважды.

Егор прислал сообщение: «Поела?»

Я сняла пластиковую миску на телефон и отправила ему.

«Похоже на воду».

«С капустой».

Он прислал картинку с улыбающимся котом. Я засмеялась, прикрыв рот ладонью, и вдруг так сильно захотела рассказать ему про ткань, что набрала номер.

Он ответил на фоне дорожного шума.

— Что случилось?

— Ничего. Суп ем.

— Уже вижу. Как стол?

— Огромный. Все помещается.

— Шатается?

— Подложила картон.

— Марин, только не картон. Ножку можно отрегулировать. Снизу посмотри, там должен быть...

Я закрыла глаза.

— Я посмотрю.

Он замолчал на полуслове.

— Ладно. Ты хотела что-то рассказать?

Я провела ложкой по дну миски. Полоска капусты все время соскальзывала с ложки.

— Мне привезли кресло с неподходящей тканью. Я отказалась делать так, как хочет заказчица. Теперь боюсь, что она заберет его и уйдет.

— А ткань правда плохая?

— Для кресла — да.

— Ну, тогда правильно отказалась.

— Ты бы видел, как она на меня посмотрела.

Егор немного помолчал.

— Я сегодня сказал одному, что вытяжку придется разбирать. Он спросил, нельзя ли за те же деньги заставить ее просто работать силой мысли.

Я улыбнулась.

— Можно?

— У меня не получилось. Не дорос еще.

Мы проговорили, пока я не допила остывший чай. В конце Егор сказал, что Сашу сегодня заберет сам: у нее тяжелая папка для рисования. Я удивилась. Дочь ничего мне не говорила про папку.

— Они там что-то снимают после уроков. Попросила не опаздывать. Я успею.

У меня на секунду возникло неприятное чувство, что они обходятся без меня. Я чуть не спросила, почему они не сказали мне заранее. Сдержалась: дочь попросила отца, и он мог

приехать.

— Хорошо. Тогда я до семи поработаю.

Возле мастерской ждала Галина Аркадьевна с полотняным мешком. Она вытащила из него небольшой коврик и поставила у двери.

— Под ноги положите. Тут снизу тянет.

Я поблагодарила и хотела спросить, сколько должна, но она уже шла к своей машине.

Вечером я отрегулировала ножку. Егор был прав: под столешницей прятался винт. Я сделала фотографию ровно стоящего стола, но отправлять не стала. Вместо этого сняла зеленое кресло, которое наконец привезла из дома. Это было мое кресло, купленное с чужого балкона за полторы тысячи. Я собиралась сделать его без заказа, без спешки, из ткани, которую выберу сама.

Фотографию я прикрепила к пустой странице мастерской. Написала адрес, рабочий телефон и часы по предварительной договоренности. Удалила слово «недорого». Потом снова набрала его, посмотрела и удалила окончательно.

## Глава 5. Воскресный пирог

Раиса Николаевна пекла пирог с капустой и всегда оставляла углы мне. Она помнила, что я люблю корку. В начале нашего брака я принимала это за проверку: приличная невестка должна отказаться от лучшего куска. Потом поняла, что Раиса действительно любит меня и просто не умеет положить еду, не сказав при этом, сколько труда она ей стоила.

— Здесь тесто хорошее, — сказала она и отрезала мне угол. — Сметана осталась, я ее пристроила. Ешьте, пока теплый.

Мы приехали в первое воскресенье октября. Я принесла ей отремонтированный пуфик — два года собиралась поменять молнию на нижнем чехле. Теперь вшила новую в мастерской за двадцать минут. Раиса обрадовалась, но первым делом спросила, почему я похудела.

Егор наливал чай. Саша раскладывала на столе маленькие фигурки из пластилина. У одной было желтое лицо и огромный рот.

— Это завуч? — спросил Егор.

— Это человек, который пытается поесть на совещании. Мы делаем ролик. Завуч тоже так подумала.

Раиса рассмеялась, а я сказала:

— Ты же должна была заниматься проектом по биологии.

Саша убрала фигурки в коробку.

— Он готов.

— Покажешь дома?

— А надо?

За столом стало тихо. Я положила ложку.

— Мне интересно.

— Ну, тогда так и спроси.

Егор посмотрел на дочь, но ничего не сказал. Я ждала, что Егор напомнит ей про тон. Он только подвинул к себе коробку с фигурками, убирая ее от края стола.

Раиса подвинула ко мне варенье.

— Что у тебя с работой, Марин? Егор сказал, ты помещение взяла. Далеко?

— От нас минут двадцать пешком.

— Хорошо. Хоть ходить будешь. А то все дома да дома.

Я ожидала другого и сразу расслабилась.

— Там пока неуютно. Но стол хороший.

— В работе уют не главное. Я сорок лет в таком кабинете просидела, что у тебя еще дворец. Только ты не простужайся.

Егор поднял глаза от тарелки.

— Вот. Я ей тоже говорю: там пол снизу холодный, зимой обогреватель не спасет.

— Я не говорю, что не спасет. Я говорю — ботинки теплые надеть.

Саша прыснула в чашку. Егор улыбнулся матери.

— Мам, ты бы посмотрела.

— Я на пенсии. Хватит с меня смотреть, что у людей плохо устроено.

Позже Раиса позвала меня на кухню. Егор помогал Саше снять короткий кусок мультфильма: двигал фигурку не там, дочь терпеливо объясняла ему, что зритель заметит скачок. Раиса закрыла за нами дверь и указала на верхнюю полку.

— Достань, пожалуйста, коробку. Я на табурет теперь не лезу.

В коробке были елочные игрушки, три пустые банки и завернутый в газету стеклянный кувшин.

— Кувшин себе возьми. Ты же хотела.

Я действительно когда-то хотела. Когда нам было мало вещей и мы тащили домой все, что можно поставить на стол. Теперь кувшин предстояло куда-то убрать, но отказаться было жалко.

— Спасибо.

Раиса развернула газету.

— Вы поссорились?

Я посмотрела на закрытую дверь.

— Мы спорим о работе. О деньгах. Я кое-что сделала, не спросив Егора.

— Он мне не рассказывал.

— Знаю.

— Ты думаешь, я сейчас буду его защищать?

Я пожала плечами.

— Не знаю.

Раиса протерла кувшин и поднесла к свету. У ручки виднелась тонкая трещина.

— Горячее не наливай. Только воду. Я защищать никого не собираюсь, вы большие. Но деньги все-таки обсуждайте. В этом он у тебя щепетильный.

— В этом?

Она покосилась на меня.

— И в другом тоже. Он в шестнадцать лет уже знал, что мне пора сменить работу. Принес объявление. Я тогда так удивилась, что даже не рассердилась.

В ее голосе была нежность, от которой мне захотелось отступить. Мне вспомнился шестнадцатилетний Егор на фотографии: тонкая шея, чужой пиджак на выпускном. Хотелось рассердиться на Раису за то, что она заговорила о нем именно сейчас.

— Он тебя любит, — сказала Раиса.

— Я знаю.

— Хорошо. Я боялась, ты сейчас скажешь, что это неважно.

Я помотала головой и протянула ей банку. Мы молча убрали коробку обратно.

На обратном пути Саша попросила посадить ее возле школы. Они с подругой собирались доделать съемку в кабинете рисования; учительница уже ждала. Егор спросил, не поздно ли, я начала объяснять, что завтра уроки, и вдруг услышала, как мы заговорили одновременно.

— До шести можно? — спросила Саша. — У меня все готово. Я сама приду. Там две остановки.

Егор посмотрел в зеркало, потом на меня.

— До шести, — сказала я.

Дочь быстро вышла и помахала нам коробкой с фигурками.

В машине остались мы вдвоем. Егор вел медленно, выбирая дорогу без ям.

— Ты правда хочешь все это? Мастерскую, столы, заказчиков? — спросил он.

— Да.

— Просто раньше ты говорила, что устала от людей.

— От некоторых устала. От всех сразу не получилось.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.